

Азаренко Надежда Александровна

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БЕСЫ" КАК МЕТАФОРА ПРЕИСПОДНЕЙ

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоры Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию в центральных и периферийных персонажах романа "Бесы", в частности в образе "главного беса" Николая Ставрогина. Исследование христианского творчества Достоевского с метафорической точки зрения является новым для современной филологии и может стать еще одним инструментом интерпретации мировидения писателя, а, следовательно, и новым способом прочтения его итоговых произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

IMPRESSIONISTIC NATURE OF THE INNER SPEECH OF THE PERSONAGES OF A LITERARY TEXT (BY THE MATERIAL OF P. CHEKHOV'S PROSE)

Avdeeva Nadezhda Petrovna
N. G. Chernyshevsky Saratov State University
avdeevanp@gmail.com

The article reveals the specifics of impressionistic nature of the inner speech system of the personages of A. P. Chekhov's fiction as a representation of his individual style. The author identifies and analyzes impressionistic features in the contexts of inner speech represented by its various types: inner monologue, inner dialogue, reported speech.

Key words and phrases: A. P. Chekhov's prose; inner speech; inner monologue; inner dialogue; reported speech; impressionistic nature.

УДК 81'42; 801.7

Филологические науки

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоричности Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию в центральных и периферийных персонажах романа «Бесы», в частности в образе «главного беса» Николая Ставрогина. Исследование христианского творчества Достоевского с метафорической точки зрения является новым для современной филологии и может стать еще одним инструментом интерпретации мировидения писателя, а, следовательно, и новым способом прочтения его итоговых произведений.

Ключевые слова и фразы: концептуальная метафора; метафоричность; бесы; бесовщина; inferнальная метафоричность.

Азаренко Надежда Александровна, к. филол. н.
Липецкий государственный педагогический университет
azarenko.nadezhda@yandex.ru

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» КАК МЕТАФОРА ПРЕИСПОДНЕЙ[©]

Цель настоящей статьи – дать языковое описание метафоричности самого «мрачного» произведения «Великого Пятикнижия» – романа «Бесы».

Не подлежит сомнению, что для каждого человека существует собственный, специфический мир со своими ценностными представлениями и способами их выражения в языке. Это субъективное мировидение отражают все явления языка, в том числе метафоры, которые хранятся в когнитивной системе человека. Анализ этих метафорических значений посредством их языкового выражения позволяет дешифровать представления о мире конкретного человека и, если речь идет о художественном произведении, максимально верно сформулировать основные черты авторской модальности, а значит, определить истинный смысл, вложенный автором в свое творение. Таким образом, метафорические употребления выступают в качестве одного из способов объективации концептуальной информации в языке художественных произведений. По образному выражению М. В. Никитина, метафора служит «повивальной бабкой», помогающей концепту выйти из сумерек сознания и вербализоваться в речи [7, с. 34]. Особенно актуально это, на наш взгляд, применительно к текстам Ф. М. Достоевского [1].

Однако прежде чем перейти к собственно анализу языка произведения, напомним, что «Бесы» – третий роман «Пятикнижия». Предшествует ему «Идиот», персонажи которого в финале погрузились в бесовскую «тьму», и логично, что следующий роман писателя метафорически описывает тех, кто населяет самое «темное» место – ад, нечисть разной иерархии во главе с верховным бесом – главным героем романа Николаем Ставрогиным.

Безусловно, роман «Бесы» – самый пессимистичный, антиевангельский, демонический роман Достоевского. Об этой inferнально маркированной метафоричности говорит не только название произведения, но и другие сильные позиции текста, в частности эпиграфы и финал романа, повторяющий один из эпиграфов и окольцовывающий таким образом роман.

Роману «Бесы» Достоевский предпослал два эпиграфа: из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» и Евангелия от Луки [2, с. 241-255]. Пушкинский и евангельский тексты диалогичны по отношению друг к другу и определяют основную идею романа. Кроме того что оба эпитета указывают на демоничность романа, они выражают ещё и количественный аспект: бесов много, даже очень много, неопределенно много: на это указывает вопросительное местоимение «сколько» (их – бесов), множественное число глагола «поют» в пушкинском стихотворении и лично-указательное местоимение «они» (бесы) как в строках Пушкина, так и в эпиграфе из Евангелия («*Сколько их, куда их гонят, Что так жалобно поют*» (Пушкин); «*Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них*» (Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 32) [3, с. 5]).

На протяжении всего романа только «они» являются действующими лицами, разница состоит лишь в их статусе. И лишь финал романа дает нам надежду в лице Шатова, стараниями бесов не успевшую осуществиться, и в образе книгоноши Софьи Матвеевны, будущая миссия которой опять-таки весьма и весьма туманна.

Достоевский сам указывал на то, что «Бесы» следует рассматривать как роман-предостережение [4, с. 154], показывающий, к чему приведет получившее в то время большое развитие социалистическое движение. Однако религиозное сознание писателя ушло от конкретных исторических фактов и лиц и связало их ассоциативной связью с бесовщиной, всегда существовавшей в сознании Достоевского и обусловившей, по его мнению, как нечаевское преступление, определившее фабулу романа, так и другие подобные античеловеческие деяния. На inferнальную суть романа содержатся указания даже в комментариях к роману советского, атеистического времени. Так, например, в примечаниях к «Бесам» мы читаем, что образ Петра Верховенского из «комического лица вырастает в фигуру зловещую, мрачную и даже **демоническую**... В нем проступают **дьявольские** черты...» [Там же, с. 204].

Для достоевсковедов очевидно, что главный бес романа – Николай Ставрогин [5], однако вся степень его inferнальности становится очевидной только в главе «У Тихона», по вине цензуры не вошедшей в основной текст романа. Но и оказавшийся основным вариантом произведения содержит множество языковых указаний на «верховную» демоничность образа Николая Ставрогина.

Так, например, мы читаем о том, что Ставрогин «отличался **чрезвычайно** физической силой» [3, с. 35]. Обращает на себя внимание экспрессивное прилагательное «чрезвычайный», указывающее на максимально высокую степень проявления названного им признака: «чрезвычайная» физическая сила – обязательный народно-христианский атрибут князя тьмы.

Читаем также, что, говоря о приключениях Ставрогина, в городе «*рассказывали о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысачами людях, о зверском поступке с одной дамой хорошего общества... что принц Гарри (одна из номинаций Ставрогина – Н. А.) имел почти разом две дуэли, кругом был виноват в обеих, убил одного из своих противников наповал, а другого искалечил...*» [Там же, с. 36]. В данном случае крайне показательны выделенные нами определения, распространяющие однородные дополнения: прилагательные «дикий» и «зверский» выражают одну и ту же контекстную семантику – «свойственный зверю», а «зверь» у Достоевского, вслед за Священными Текстами, – одно из наименований дьявола (см.: Книга пророка Даниила, гл. 7, ст. 3-8; Откровение Иоанна, гл. 13, ст. 4, 15-18) [5, с. 67-68]. Причастие «задавленных» и глагольная форма «убил» указывают на жестокость субъекта этих процессов, что делает поведенческие характеристики Ставрогина однозначно демоническими.

На inferнальную метафоричность описываемого образа указывают и его портретные характеристики [6], представленные в форме фигуры экспрессивного синтаксиса антитезы: «Он был... удивительно скромнен и в то же время смел и самоуверен, как у нас никто... Поразило меня тоже его лицо: волосы его были **что-то уж очень** черны, светлые глаза его **что-то уж очень** спокойны и ясны, цвет лица **что-то уж очень** нежен и бел, румянец **что-то уж слишком** ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску... Он прожил у нас с полгода – вяло, тихо, довольно уग्रюмо... Но прошло несколько месяцев, и вдруг **зверь** **выпустил свои когти**» [3, с. 37]. На следующей странице Достоевский повторяет: «...и вот – **зверь** **вдруг выпустил свои когти**» [Там же, с. 38]. Помимо прямой номинации «зверь», обращают на себя внимание градуаторы, создающие параллелизм «описания» Ставрогина («что-то уж очень (слишком)»), и, на наш взгляд, в совокупности с однозначно inferнально читаемой у Достоевского номинацией «зверь», указывающие на самое высокое положение Ставрогина в бесовской иерархии.

Антитезность фрагмента текста также указывает на главенствующую роль описываемого им персонажа. Люцифер обладает двойственной природой: ангел, наделенный самыми исключительными качествами, делает выбор в пользу зла и становится самым «темным» персонажем в истории. На высокое происхождение и призвание Ставрогина указывает и данная ему Достоевским фамилия – от греч. Σταυρός – «крест».

Еще один чéрт романа, но более низкой иерархии – чéрт-слуга Петр Верховенский. В уста капитана Лебядкина Достоевский вкладывает общую, не нуждающуюся в комментариях номинацию Петра Верховенского и Ставрогина – «эти чéрти» [Там же, с. 214].

Контекстный смысл «чéрт» имплицитно и портрет Петра Степановича: «Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется **вострым**. Лоб его высок и узок, но чéрты лица **мелки**; глаз **вострый**, носик **маленький** и **востренький**, губы длинные и **тонкие**...» [Там же, с. 143]. И далее: «Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту, должно быть, **какой-нибудь особенной формы**, какой-нибудь **необыкновенно длинный и тонкий**, ужасно красный и с **чрезвычайно вострым**, непрерывно и невольно **вертящимся кончиком**» [Там же, с. 144].

Известно, что в представлениях русского народа, воспринятых Достоевским, бесы отличались заостренной сверху формой черепа и «остротой» других частей тела, а необыкновенно длинный, тонкий, острый, красный, с вертящимся кончиком язык непременно ассоциировался и ассоциируется до сих пор с каким-либо пресмыкающимся, обычно со змеей, а точнее змеем как одной из номинаций дьявола.

В заключение стоит отметить, что и другие персонажи «демонического» романа наделены Достоевским чертами, на разных уровнях восприятия отсылающими нас к разного рода нечисти, населяющей то место, куда Люцифер был низвергнут Богом, – ад, или, другими словами, преисподнюю, что делает весь роман достаточно легко читаемой метафорой этой «мрачной» пространственной координаты.

Список литературы

1. **Азаренко Н. А.** Языковые средства объективации христианских мотивов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Липецк: ЛГПУ, 2013. 262 с.
2. **Багно В. Е.** Самозванство «апостолов» новой веры: Новозаветные мотивы в «Бесах» // Пути и миражи русской культуры. СПб.: Наука, 1994. С. 241-255.
3. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 10. 516 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 12. 451 с.
5. **Истомина Н. Ф.** Концепт «бесы» в одноименном романе Ф. М. Достоевского: дисс. ... к. филол. н. Липецк, 2002. 179 с.
6. **Мельникова Л. А.** Ф. М. Достоевский и Г. Бёльль: проблема литературных влияний (на материале романов «Идиот» и «Групповой портрет с дамой») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 94-99.
7. **Никитин М. В.** Концепт и метафора // Studia Linguistica. Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001. Вып. 10. С. 16-35.

THE NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY "DEMONS" AS A METAPHOR OF THE UNDERWORLD

Azarenko Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Lipetsk State Pedagogical University
azarenko.nadezhda@yandex.ru

The article from the new methodological positions presents the linguistic description of the creative metaphors by F. M. Dostoyevsky manifesting itself in the central and peripheral characters of the novel "Demons", in particular in the image of the "principle demon" Nikolai Stavrogin. Investigation of Dostoyevsky's Christian creative work from the metaphorical viewpoint is an innovation in modern philology and can become another instrument for the interpretation of the writer's world perception and, consequently, a new method for interpreting the final works of the writer.

Key words and phrases: conceptual metaphor; metaphorical nature; demons; devilry; infernal metaphoricalness.

УДК 81'373

Филологические науки

В рамках данной статьи сопоставительному изучению подвергаются лексемы «брат/brother», «сестра/sister» в русском и английском языках и выделяются схожие черты и различия. Понятия «брат/brother», «сестра/sister» принадлежат лексико-семантическому полю «семья», которое состоит из множества связей – отношений между большим количеством близких и дальних родственников. Членов семьи как социальную группу и исторически сложившую организацию связывают различные отношения, в которых лексемы «брат/brother», «сестра/sister» относятся к кровному родству по прямой линии.

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическое поле «семья»; фразеологическая единица; лексема; брат; brother; сестра; sister.

Багаутдинова Гульнара Гафизовна

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
gulnara_n_86@mail.ru

БРАТЬЯ/BROTHERS И СЕСТРЫ/SISTERS КАК КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)[©]

Семье принадлежит одно из главенствующих мест в обществе, в котором данное понятие (семья) затрагивает всех его членов как мужского, так и женского рода, всех профессий и вероисповеданий. Люди, заключая брак и создавая семью, образуют благодатную почву для множества взаимоотношений, главное место в которых занимают родственные отношения. Одно понятие не может существовать без другого, в то же время одно понятие вытекает из другого. Тема семьи и семейных отношений вызывает большой интерес у многих исследователей из разных областей наук: психология, этика, статистика, социология, фразеология и др. Семья – это система мироздания, наиболее общее понятие, включающее в себя родственные отношения, которые, в свою очередь, являются компонентом семьи, состоящей из большого количества близких и дальних родственников. Будучи одной из древнейших, лексема «семья» получила четкое языковое отражение и ярко представлена в языковых средствах в связи с тем, что данная лексема представляет собой межкультурную универсалию. В отличие от государства, семья основывается на неписанных правилах и традиционных представлениях о том, как должны вести себя члены семьи в определенных обстоятельствах. Семья и родственные отношения – это два понятия, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом. Данные отношения могут быть брачными, родственными и родительскими [3] или вертикальными и горизонтальными [5]. На уровне вертикальных отношений выделяется: род – клан – племя – нация, т.е. это отношения ряда поколений.